
РАЗМЫШЛЕНИЕ НАД КНИГОЙ

Курдский вопрос в Адыгее

Рецензия на книгу: Соколова А.Н., Шадже А.Ю., Жаде З.А. (ред.) (2015) Курды Адыгеи: монография. Майкоп: «Качество».

Н.З. МОСАКИ*

***Нодар Зейналович Мосаки** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН. Адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12. E-mail: nodarmossaki@gmail.com

Цитирование: Мосаки Н.З. (2018) Курдский вопрос в Адыгее // Мир России. Т. 27. № 2. С. 189–202. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-2-189-202

Курды начали жить в России (РСФСР, Российской Федерации), по сути, в последние 2–3 десятилетия, и в этом смысле можно только приветствовать разносторонние исследования российских курдов. В настоящей статье обсуждается коллективная монография ведущих ученых из Адыгейского государственного университета «Курды Адыгеи». По мнению авторов, курды, в связи с их «большой» численностью и «угрожающим» воспроизводством, представляют фактор, дестабилизирующий этнодемографическую и социально-политическую ситуацию в Республике Адыгее. Авторы ставят перед собой задачу всесторонне исследовать курдов, и соответственно содействовать решению зарождающейся курдской проблемы как в Адыгее, так и в других регионах в местах их компактного проживания. Практически любая работа не застрахована от критических замечаний, однако рецензируемую монографию нельзя рекомендовать в виде академического произведения. Сама постановка исследовательской проблемы лишена научного подхода и основана на рассуждениях весьма спекулятивного характера. Помимо прочего, в некоторых работах авторов монографии имеются вопиющие недостатки.

Ключевые слова: курды, курды Адыгеи, мигранты, адаптация, интеграция, межэтнические проблемы, некорректные заимствования

Курды представляют собой один из малочисленных народов в России. Если в 1989 г. в РСФСР перепись насчитала 4 724 курда (включая езидов, не выделенных

тогда в отдельную национальность), то в 2002 г. в связи с миграцией из других республик бывшего СССР курдов было уже 19 607 чел., езидов – 31 273. По данным переписи населения 2010 г., численность курдов составила 23 232 чел., что свидетельствует о росте их численности лишь за счет естественного прироста. При этом представляется, что темпы естественного прироста курдов в связи с неминуемым снижением рождаемости в будущем будут уменьшаться. Если к курдам причислить езидов, выделенных в первой советской (1926 г.) и в российских (2002, 2010 гг.) переписях в отдельную национальность (которые, однако, согласно курдоведческой традиции включались в состав курдов, насчитывавших в 2010 г. 40 586 чел.), то количество курдов составило бы почти 64 тыс. чел. С учетом, возможно, не принявших участие в переписи людей, естественного прироста и миграции в 2010–2015 гг., по нашей максимальной оценке, их численность могла бы составить не более 80 тыс. чел. Однако подавляющее большинство езидов в странах бывшего СССР по национальности причисляют себя именно к езидам, категорически отвергая курдскость, ассоциирующуюся у них с исламом¹. Поэтому число собственно курдов (т.е. курдов-мусульман и той весьма небольшой части езидов, которая считает себя по национальности курдами) составило бы в 2015 г. (даже по завышенным оценкам) не более 35 тыс. чел.

Наибольшая доля курдов по регионам России проживает в Адыгее – 1,03% (4 528 чел.) от общей численности населения этой республики [Население по национальности 2010]. В этом смысле интерес адыгейских исследователей к курдам, проживающим на территории Адыгеи, представляется вполне естественным. Неслучайно за последние годы ими опубликованы многочисленные работы социологического и этнографического характера о курдах Адыгеи, и предложенная читателям рецензируемая коллективная монография «Курды Адыгеи» стала одним из важных итогов их исследовательской деятельности.

В отечественной историографии сводные работы, касающиеся курдов бывшего СССР или России, – явление весьма редкое. По сути, можно вспомнить лишь известное произведение видного советского курдолога из Института этнографии АН СССР (Москва) Т.Ф. Аристовой [Аристова 1966]², которая изучала быт и материальную культуру курдов, а также этнические процессы среди курдов Туркмении и Закавказья. В постсоветский период сводные исследования, посвященные российским курдам, отсутствуют.

Рецензируемая монография «Курды Адыгеи» состоит из предисловия, четырех глав, включающих написанные разными авторами небольшие статьи, часть из которых являются переработанными версиями ранее опубликованных работ в различных журналах и сборниках. Однако необходимо отметить, что в некоторых статьях содержатся некорректные заимствования³. При этом работа снабжена грифом Адыгейского государственного университета, а также, что еще более важно,

¹ В данной рецензии не рассматриваются вопросы, касающиеся признания езидов отдельной национальностью, а лишь отмечаются различные варианты определения численности курдов.

² Несмотря в целом на высокую оценку работы Т.Ф. Аристовой, известный советский курдовед М.С. Лазарев, отмечая фактологическую ценность «первой советской сводной этнографической работы по закавказским курдам», указывал на излишний панегиризм и недостаточные исторические знания о курдах у автора [Лазарев 1967, с. 185]. Свои претензии имелись и у курдских ученых, отмечавших положения, которые могли быть поняты в ущерб впечатлению об идеологически приемлемом курдском прошлом [Шамилов 1966, с. 283].

³ Учитывая ограниченный объем рецензии, этот вопрос будет рассматриваться попутно.

Российского Гуманитарного Научного Фонда, что может ввести непосвященного читателя в заблуждение относительно ее качества. Вместе с тем мы не будем рассматривать каждую статью отдельно, а сосредоточимся на оценке материала, отражающего главный посыл монографии.

Основная задача монографии, по словам ее авторов, – дать оценку «причин и условий переселения курдов на новую территорию», представить характеристику «основных ценностных ориентаций [курдской] этногруппы и ее структурно-морфологический состав», составить «экономический и социально-культурный портрет», выявить «проблемы, препятствующие успешной адаптации» и, соответственно, «предложить рекомендации, направленные на преодоление обозначенных проблем» [Соколова, Шадже, Жаде 2015, Аннотация]. Вполне очевидно, что идея весьма амбициозна, и наряду с охватом смежных тем подразумевает прикладной смысл. В частности, в предисловии, автором которого является А.Н. Соколова⁴, прямо указано, что немаловажным аспектом, обуславливающим актуальность данной монографии, является компактное проживание курдов и в других регионах России (в Краснодарском, Ставропольском краях, Саратовской, Тамбовской и других областях), и рецензируемое исследование ученых Адыгеи и описанные ими адаптационные сценарии, реализуемые в республике, могут быть имплицированы к «любой другой курдской этногруппе в качестве проведения сравнительно-типологических исследований», в том числе для «выработки прогностических сценариев развития этногруппы, в той или иной мере регулирующих социокультурную политику в регионе» [Соколова, Шадже, Жаде 2015, с. 5]. Не повторяя всех достигнутых авторами монографии результатов, перечисленных в предисловии, все же трудно не отметить, что они впечатляют своим «вкладом» как в курдологию, так и в этносоциологию.

Необходимо отметить, что изучение курдов в силу объективных причин, связанных с их малочисленностью в нашей стране, исторически является «сравнительно узкой» темой [Лазарев 1967, с. 185]. В этом смысле заявленная в названии рассматриваемого сборника тема «курды Адыгеи» посвящена, казалось бы, еще более ограниченному вопросу. Однако, как видно, идея книги несколько выходит за рамки регионального контекста, определенного в заглавии. Объективизируя курдов Адыгеи, авторы имплицитно ведут речь о курдской проблеме в своем регионе в связи компактностью и предлагают ни много ни мало содействие в ее решении и в других регионах России. В этом смысле нелишним будет напомнить статистические данные о числе курдов в регионах, где, по мнению А.Н. Соколовой, потенциально возможно применение выработанных адыгейскими исследователями решений: так, количество курдов в Краснодарском крае (наибольшее по субъектам РФ, согласно переписи 2010 г.) составило 5 899 чел. (0,11% от общей численности населения указанного края), в Ставропольском крае – 1 790 чел. (0,06%), в Саратовской и Тамбовской областях – 2 851 чел. (0,11%) и 721 чел. (0,07%) соответственно. При этом, как считает З.А. Жаде⁵, являющаяся автором трех из четырех статей первой главы, уже сегодня количество курдов превышает в два раза официальную статистику [Соколова, Шадже,

⁴ Главный редактор монографии и руководитель научного проекта, доктор искусствоведения, профессор кафедры теории, истории музыки и методики музыкального воспитания Института искусств Адыгейского государственного университета (АГУ).

⁵ Доктор политических наук, зав. кафедрой теории и истории государства и права и политологии АГУ.

Жаде 2015, с. 15], в связи с чем в ближайшее десятилетие, по ее мнению, в Красногвардейском районе может «обозначиться проблема их административно-территориального оформления в республике» [Соколова, Шадже, Жаде 2015, с. 22], т.е. налицо угроза возникновения на отдельно взятой российской территории так называемого курдского вопроса, что, безусловно, не может не вызывать «тревожные демографические предчувствия» у жителей региона, да и не только региона.

В данном смысле сложно не вспомнить утверждение В.И. Мукомеля о том, что «представления россиян о численности мигрантов» в целом «преувеличены, если не сказать – дремучи» [Мукомель 2016, с. 463]⁶. И если принять во внимание, что в 2002–2010 гг. в Адыгее количество курдов увеличилось на 25% (т.е. в среднем ежегодный прирост составил почти 3%), и экстраполировать темпы роста на период после 2010 г., то в 2015 г. число курдов должно было бы составить примерно 5,3 тыс. чел. Однако даже это количество может быть несколько завышенным, если учитывать, что миграция курдов в Адыгею, которая являлась важной составляющей роста их численности, на сегодняшний день практически прекращена. Возможно, лица, которые в ходе переписи могли бы назвать себя курдами, не приняли в ней участие (особенно это может касаться не имевших гражданство России и т.д.), а посему количество курдов в действительности может быть и выше. Вместе с тем представляется правомерным анализировать именно имеющиеся данные, а не предполагаемые, тем более что З.А. Жаде не предлагает альтернативные оценки численности курдов (например, анализ данных ЗАГС, числа учащихся, пенсионеров, получателей пособий, родившихся и т.д.), которые подтверждали бы точку зрения экспертов-алармистов.

В то же время в сборнике приводится национальный состав Красногвардейского района на 1 января 2014 г. [Соколова, Шадже, Жаде 2015, с. 35], в котором проживала подавляющая часть курдов Адыгеи. Согласно этим данным, количество жителей района составляет 30 461 чел., что в целом соответствует данным переписи 2010 г. (30 868 чел.) [Численность населения 2010], таким образом, нескольким тысячам курдов просто некуда было бы «спрятаться». Вполне очевидно, что в долгосрочной перспективе численность и доля курдов с учетом естественного прироста еще несколько увеличатся: если абстрагироваться от фактора миграции (примерно до 1,6–1,8% к середине XXI в.), очевидно, что, вопреки мнению З.А. Жаде и других авторов, это никоим образом не приведет к серьезному изменению этнической картины республики.

Привлекают также внимание приведенные А.Н. Соколовой данные о количестве курдских семей, проживающих в Адыгее (940 семей) [Соколова, Шадже, Жаде 2015, с. 37]. Напомню, что в целом в республике в 2010 г. насчитывалось 4 528 курдов. Таким образом, если в среднем курдская семья состоит из 5 человек, то с учетом многопоколенческого характера курдских сельских семей утверждение А.Н. Соколовой никак не соответствует о ее многочисленности.

Как пишет З.А. Жаде, «курды быстро скупили дома в трех сельских округах района», в связи с чем произошло «замещение курдами коренного населения»

⁶ Однако мифические и нереально завышенные данные о численности курдского населения в России широко распространены и среди курдских популистов и представителей различных курдских общественных организаций – так называемых этнических активистов, рассматривающих свою деятельность как экономический ресурс (подробнее о различных привилегиях, которые предоставляет руководство в организациях типа национально-культурных обществ см. [Дятлов 2005, с. с. 108–119]) и соответственно стремящихся выступать от имени народа намного более многочисленного, чем это есть на самом деле.

[Соколова, Шадже, Жаде 2015, с. 21]. Подобные заявления, скорее, характерны для определенного вида СМИ, имеющих целью нагнетание обстановки, нежели для исследовательской работы и противоречат ее же утверждениям, что «курды поначалу покупали заброшенные хатенки, долгое время жили в избах с земляными полами» [Соколова, Шадже, Жаде 2015, с. 23]. При этом «расселение курдов в Красногвардейском районе», по ее мнению, «сопровождалось некоторыми нарушениями законности» в связи с тем, что «наиболее обеспеченные курды использовали подкуп должностных лиц района, в том числе и из правоохранительных органов, для легализации своего пребывания в России» [Соколова, Шадже, Жаде 2015, с. 21]. Утверждения о подкупе (под которым, судя по всему, имеются в виду взятки), естественно, не подкрепляются какими-либо доказательствами, например, вступившими в силу судебными решениями или хотя бы возбужденными в связи с этим уголовными делами. Кроме того, сама по себе постановка вопроса как бы переводит должностных лиц, которые, разумеется, не являются курдами, в разряд жертв нарушений законности со стороны обеспеченных курдов. Одновременно с этим З.А. Жаде популистски выражает озабоченность расслоением внутри курдской общины, малообеспеченные представители которой, «имеющие гораздо более существенные основания найти приют, до сих пор не могут легализовать свое пребывание в России» [Соколова, Шадже, Жаде 2015, с. 21], не отражая при этом, законно или незаконно должностные лица отказывают им в легализации и в чем состоят более существенные основания малообеспеченных по сравнению с обеспеченными, поскольку, как известно, они прибыли в Адыгею вместе. В любом случае получается, что источником незаконных действий являются в первую очередь чиновники местных администраций, которые, согласно З.А. Жаде, отказывают лицам, имеющим право на легализацию, и легализуют за взятки лиц, не имеющих на то право.

При этом З.А. Жаде пишет, что курды существенно потеснили местных «жителей <...> в животноводстве и других экономических сферах» [Соколова, Шадже, Жаде 2015, с. 21]. Однако возникает вопрос, неужели увеличение поголовья скота у курдов приводит к уменьшению поголовья у старожилов в связи с нехваткой комбикормов или перенасыщения рынка Южного федерального округа в частности и России в целом, мясом и молоком? Вряд ли. То же самое касается овощеводства, которое, судя по всему, понимается под «другими экономическими сферами», из которых курды, якобы, вытесняют представителей других национальностей, поскольку, хорошо известно, что в банковской или финансовой сфере курды Адыгее не присутствуют. Но неужели выращивание курдами кабачков и помидоров сделало невозможным занятие этим делом деятельности другими жителями? Подводя итоги, З.А. Жаде приходит к мнению, что «переселение курдов является естественно-историческим процессом, который развивался под воздействием природно-климатических, экономических, социальных, политических и культурных факторов» [Соколова, Шадже, Жаде 2015, с. 25]. У несведущего читателя этот бессмысленный отрывок из текста может вызвать представление, что мы наблюдаем великое переселение большей части многомиллионного курдского народа, а не нескольких тысяч человек на территорию Республики Адыгеи⁷.

⁷ К тому же процитированный отрывок, по-видимому, заимствован без ссылки из автореферата диссертации 2004 г., где дагестанцы заменены на курдов [Алиева 2004].

Более подробно на экономических аспектах адаптации курдов останавливается во второй главе Т.М. Шовгенов⁸. По его мнению, «по своим социально-демографическим и профессиональным характеристикам курды способствуют улучшению ситуации с трудовыми ресурсами» в связи с более высокой долей лиц трудоспособного возраста по сравнению с местным населением [Соколова, Шадже, Жаде 2015, с. 46]. Однако автор, забывая о своем утверждении, заявляет двумя страницами ниже, что «приток в республику мигрантов придает дополнительную остроту проблеме занятости населения», увеличивает безработицу, конкуренцию на рынке труда и приводит к «противоречиям между мигрантами и местным населением» [Соколова, Шадже, Жаде 2015, с. 47], не отмечая при этом, какие конкретно рабочие места отнимают курды у местного населения. Одновременно автор все еще не относит курдов к местному населению, называя их «иноэтническим населением» [Соколова, Шадже, Жаде 2015, с. 45], что совершенно непонятно, поскольку он называет курдов «иноэтническими» не в отношении какого-либо конкретного народа, а фактически в отношении всех национальностей, проживающих в Адыгее.

По данным Т.М. Шовгенова, большинство курдов официально не трудоустроены, хотя безработных среди них крайне мало (по приводимому опросу – 4%), 85% ведут домашнее хозяйство [Соколова, Шадже, Жаде 2015, с. 46], т.е. фактически самозаняты. В связи с этим, как пишет автор, курды «не платят никаких налогов (кроме налогов на транспортные средства), пользуются в полной мере установленными государством льготами. 42,1% всех детских пособий в Красногвардейском районе получают граждане курдской национальности» [Соколова, Шадже, Жаде 2015, с. 47]⁹. Очевидно, что подобный текст направлен на формирование у читателей представления об экономической бесполезности курдов. Где курды рассматриваемых районов, по мнению автора, должны еще работать? Должны ли они, выращивая кабачки, заниматься банковским бизнесом или открывать частные клиники? При этом Т.М. Шовгенов, как и другие авторы сборника, не указывает, где трудоустроены представители других этносов этих же районов (если не считать муниципальную службу и бюджетную сферу), занимающиеся животноводством и овощеводством, какие они платят налоги (если не считать налог на доходы физических лиц и социальные взносы с заработной платы, выплачиваемой опять-таки бюджетной сферой) и т.д.

Видимо, исходя из логики текста Т.М. Шовгенова, как и некоторых других авторов сборника, курды как «экономически бесполезные субъекты» должны отказаться от этих льгот и пособий, а вообще желательно перестать рожать то количество детей, на которое полагаются льготы и пособия. Отметим, что подобная позиция в целом получила широкое распространение в России, более того, сформирован определенный дискурс об излишнем количестве получающих льгот и пособий на Северном Кавказе в целом. Однако эти льготы и пособия установлены не для нескольких тысяч курдов, и их отмена вряд ли привела бы к какому-то особому недовольству курдов.

Кроме того, указание на высокую предпринимательскую активность курдов в контексте предыдущих положений о нежелательности притока курдов на мест-

⁸ Кандидат экономических наук, доцент АГУ.

⁹ Отмечу, что этот, как и некоторые другие фрагменты текста Т.М. Шовгенова, дословно совпадают с [Справка 2009], но, поскольку рассматриваемые положения представлены как мнение автора и в целом укладываются в продвигаемую логику развития риторики по отношению к курдам, они тоже подвергнутся рецензии.

ный рынок труда, пусть и приведенных из другого источника без соответствующей ссылки, очевидно, направлено на создание представления о вытеснении курдами местных жителей из предпринимательской сферы¹⁰. Возникает также вопрос: насколько верно называть преимущественно сельскохозяйственную общину, занятую в основном выращиванием овощей и разведением скота, предпринимательской?

Касаясь политико-правовой адаптации курдов, М.А. Ешев¹¹ отмечает, что курды практически не совершают уголовных преступлений [*Соколова, Шадже, Жаде* 2015, с. 55–56], обращает внимание на несоблюдение курдами норм общественного порядка, связанных с неорганизованным выгулом домашних животных, забоем крупного рогатого скота на улице, сливом грязной воды, свалкой мусора и другое. Автор приводит сведения о том, что в одном из сельских поселений «80% всех нарушений санитарных норм по содержанию крупного рогатого скота и овец совершают представители курдского народа». Также упоминается о заниженном бирковании курдами крупного рогатого скота, что ухудшает санитарные условия и вынуждает коренных жителей обращаться к властям, налагающих штрафы на курдов, которые исправно их выплачивают [*Соколова, Шадже, Жаде* 2015, с. 52–53]. Как видно, курдам вменяется в вину не сами факты административных правонарушений, а их большое количество. Что касается биркования, то это общероссийская проблема, и вряд ли стоит ожидать ее решения у курдов в Адыгее раньше, чем в других российских регионах. Интересно при этом указание автора об исправной выплате штрафа курдами, поскольку в целом невыплата наложенных санкций в России в самых различных сферах является существенной проблемой. Подобное поведение курдов может обуславливаться и рациональностью: в экономической науке известна ситуация, когда риск получения и выплаты штрафа выгоднее, чем следование букве закона, исходя из нынешнего уровня штрафных санкций и зарегулированности различных сфер деятельности.

М.А. Ешев пытается в негативном свете представить курдов в связи с проблемой прохождения обязательной военной службы, утверждая, что поскольку «абсолютное представительство курдов, проживающих в Красногвардейском районе, являются гражданами Российской Федерации, следовательно, и число отслуживших курдских юношей должно быть соответствующим» [*Соколова, Шадже, Жаде* 2015, с. 56]. Однако совершенно непонятно, что означает «соответствующим». При этом он приводит официальную статистику, согласно которой «с 1988 по 2013 г. на воинском учете состоит 284 военнообязанных курдской национальности», но «из них в рядах Российской армии срочную службу прошли всего 92 человека» [*Соколова, Шадже, Жаде* 2015, с. 56]. Для обоснования своих спекулятивных рассуждений М.А. Ешев не пишет о статистических сведениях относительно других общностей, состоящих на воинском учете и отслуживших срочную службу¹². Однако даже безо всякого анализа очевидно, что треть отслуживших

¹⁰ Объем статьи не позволяет подробнее остановиться на некорректных заимствованиях, где Т.М. Шовгенов лишь заменяет слово «турок-месхетинец» на «курд» (см., напр. [*Соколова, Шадже, Жаде* 2015, с. 50–51], [*Рязанцев* 2000, с. 76, 84]) и т.д.

¹¹ Кандидат социологических наук, заместитель декана юридического факультета АГУ по научной работе.

¹² Заметим, что было бы вполне достаточно указать на недопустимость, в принципе, на основании данных о состоящих на воинском учете или отслуживших срочную службу и уж тем более на основе сопоставления указанных показателей у разных народов давать им характеристику.

из состоящих на воинском учете – показатель, вполне вписывающийся в общероссийские реалии. Автор указывает, что курды «находят правовые (и не только) способы для неисполнения обязанности, предусмотренной российским законодательством» [Соколова, Шадже, Жаде 2015, с. 56], что является ничем иным, как демагогической попыткой дискредитации курдов, поскольку наличие правовых способов не служить уже предполагает отсутствие этой обязанности. Опять-таки автор не приводит сведений, пользуется ли местное население или население других субъектов федерации правовыми основаниями для того, чтобы не служить в армии. Из этого следует, что для курдов даже использование законных способов не проходить службу в армии представляется чуть ли не преступлением. Кроме того, М.А. Ешев, указывая на не только правовые способы избегания курдами срочной службы, судя по всему, имеет в виду подкуп курдами должностных лиц военных комиссариатов, однако, как и другие авторы рецензируемого сборника, не возлагает вину на коррупционеров из комиссариата (если, конечно, допустить, что его утверждения верны), а подводит читателя к мысли, что вина за подкуп армейских чиновников лежит исключительно на курдах. Тон цитируемого абзаца при этом подразумевает, что, если не во всей России, то уж в Адыгее лишь курды находят законные и незаконные способы уклонения от обязательной воинской службы. Надо отметить, что другой автор этой монографии, А.Н. Шаповаленко, предъявляет курдам абсурдное обвинение, заключающееся в уклонении от службы в Вооруженных силах лиц, не имеющих российского гражданства [Соколова, Шадже, Жаде 2015, с. 176], т.е., по сути, и обязанности служить.

Третья работа второй главы представляет собой текст, поделенный на четыре небольшие статьи. А.Ю. Шадже¹³ пытается исследовать проблему адаптации и интеграции курдов. Не касаясь модели укрепления российской идентичности на Северном Кавказе [Соколова, Шадже, Жаде 2015, с. 76], разработанной автором вместе со своими коллегами¹⁴, остановлюсь лишь на одном спорном утверждении. А.Ю. Шадже приводит слова А.Н. Соколовой о том, что «в истории курдского народа сложились определенные “традиции неинтегрированности”» [Соколова, Шадже, Жаде 2015, с. 77]. Между тем хорошо известно, что курды как раз очень легко не только интегрируются, но и ассимилируются, осваивая другой язык и забывая свой, что становится предметом беспокойства курдских националистов. Так, проживающие в Азербайджане курды, на которых по переписи 1926 г. приходилось 75% курдов СССР, включая выделенных тогда отдельно езидов (более 41 тыс. (или 1,8%) населения тогдашнего Азербайджана), практически полностью ассимилировались, став азербайджанцами. И эта ассимиляция, вопреки утверждениям курдских националистов, была естественной. Похожая ситуация наблюдается и с курдами Туркмении. Многочисленные массы курдов в разных исторических обстоятельствах ассимилировались с другими народами Ближнего и Среднего Востока. При этом А.Ю. Шадже выражает надежду, что «из четырех моделей адаптации, имеющихся в истории человечества, – геноцид, ассимиляция, сегрегация и интеграция – адаптационная стратегия курдов будет строиться по

¹³ Доктор философских наук, профессор АГУ.

¹⁴ Эта модель напоминает в некотором смысле описанную В.В. Радаевым ситуацию с созданием в университете одного областного центра «новой политической экономики», у которой есть свои местные «классики» и их канонизированные работы, изданные в том же городе, создана своя терминология [Радаев 2000, с. 203].

типу интеграции» [Соколова, Шадже, Жаде 2015, с. 77]. Сложно представить в современной России такой вид адаптации как геноцид. По-видимому, А.Ю. Шадже неудачно по-своему интерпретировала широко растиражированную в Интернете модель С. Бокнера (на которую, впрочем, она не ссылается) о возможных последствиях межкультурных контактов. Кроме того, если вывести за пределы обсуждения геноцид и сегрегацию, то непонятны надежды А.Ю. Шадже на интеграцию, а не, например, на ассимиляцию курдов, которая, судя по всему, видится ей негативным процессом. Между тем ассимиляция является процессом, который может происходить с теми или иными людьми. Трудно представить, к примеру, русских без ассимилированных, т.е. ставших русскими людей, ранее не являющихся русскими по происхождению. Понятно, что в зависимости от характера миграции процесс интеграции происходит по-разному. Однако, поскольку курды приехали в Адыгею на постоянное местожительство, их интеграция неизбежна, если, конечно, предположить, что этого еще не произошло. В любом случае, как отмечает С.Н. Абашин, «интегрируются или нет мигранты, это вопрос, скорее, прикладной миграционной политики, а не ученых» (цит. по: [Дериглазова 2016, с. 195]).

Третья глава посвящена социально-культурному портрету курдской этногруппы. Глава начинается с работы М.А. Ешева и А.Н. Шаповаленко, анализирующих семейно-брачные традиции адыгейских курдов. Описывая типы родственных браков и ссылаясь в начале на один из сайтов, авторы далее дословно, без кавычек, списали текст с этого сайта [Соколова, Шадже, Жаде 2015, с. 107–108]. Кроме того, как видно, М.А. Ешев и А.Н. Шаповаленко не знали, что действительным источником этого материала является книга А.М. Ментешавили «Курды. Очерки общественно-экономических отношений, культуры и быта» (1984 г.) [Ментешавили 1984, с. 31–32], откуда текст был скопирован на указанный сайт (или транзитом через другие сайты) без указания источника.

Отмечая низкий уровень образования у курдов, авторы предлагают читателю весьма спорную оценку их действий, в которых курды отдают предпочтение сельскохозяйственному труду, гарантирующему материальный достаток, а не получению качественного образования [Соколова, Шадже, Жаде 2015, с. 112]. Если сельскохозяйственные работы с точки зрения доходов более выгодны, надо ли сожалеть об отсутствии высшего образования? И надо ли властям в данном случае менять приоритеты курдов с сельскохозяйственного труда на образование и получение знаний, под которыми, риску предположить, будут подразумеваться не ведущие вузы страны? В любом случае, утверждая о нежелании получения курдами качественного образования, авторы должны были привести данные о получении их соседями качественного образования, дальнейшие доходы и т.д., т.е. представить анализ в этой сфере.

В статье А.Н. Соколовой и А.Н. Шаповаленко, посвященной образовательным ценностям курдов-переселенцев, отмечается, что увеличение курдских детей в школах приводит к вымыванию оттуда русских детей, поскольку курды плохо говорят по-русски, с трудом усваивают школьную программу, и поэтому их значительная часть определяется в коррекционные классы [Соколова, Шадже, Жаде 2015, с. 116]. Авторы приводят весьма интересную таблицу о численности учащихся в школах Красногвардейского района в целом и курдов в частности в 2012/2013 учебном году. Из этой таблицы следует, что в 18 школах этого района обучалось 3496 учеников, из них 804 (23%) – курды. Курды присутствовали

в восьми школах, при этом в некоторых из них доля курдов была очень высока (например, 79, 83 и 86%). Кроме того, из этой таблицы следует, что в коррекционных классах района обучается 252 ученика, из них курдов – 202. Таким образом, доля курдов в коррекционных классах составляет 80% [Соколова, Шадже, Жаде 2015, с. 117]. Поскольку авторы сборника почти в каждой статье заявляют о низком образовательном уровне курдов, что в целом очевидно исходя из их предыдущего бэкграунда, и утверждают, что они являются причиной образовательной деградации районов, в которых курды стали составлять значительную часть населения, и не сравнивают с уровнем образования других районов, в которых не проживают курды, то напрашивается сравнение такого универсального показателя школьной успеваемости, как баллы ЕГЭ в школах, где курды составляют основную часть учащихся, со школами районов, в которых курдов нет вовсе.

Министерство образования и науки Республики Адыгея в 2015 г. опубликовало данные по баллам ЕГЭ в разрезе районов, школ и предметов [Статистика основных результатов 2015]. Можно сравнить данные по баллам ЕГЭ Красногвардейского района, в котором наблюдается «засилье» курдов, с другими районами, а также школ в тех селах Красногвардейского района, где концентрируются курды (села Белое, Садовое и Еленовское) со школами других районов. По результатам ЕГЭ по русскому языку Красногвардейский район уступает лишь пяти муниципальным образованиям, опережая четыре их них. Без учета города Майкопа, результаты по остальным девяти муниципальным образованиям в целом сопоставимы [Статистика основных результатов 2015, с. 21]. Так, средний балл ЕГЭ по русскому языку в школах сел Белое, Садовое и Еленовское составил 55,7, 52 и 52,4 соответственно [Статистика основных результатов 2015, с. 23]. Между тем, в г. Майкопе и г. Адыгейске (х. Псекупс) есть школы, где курды «не мешают» местным детям получать образование, и где средний балл по русскому языку составляет 40 и 44,7 соответственно [Статистика основных результатов 2015, с. 23]. По математике средний балл ЕГЭ в Красногвардейском районе также несколько выше, чем в трех других районах: хотя в с. Еленовское средний балл очень низкий – 20,5, однако в селах Белое и Садовое – 46 и 41 соответственно, что выше, чем в ряде других школ как Красногвардейского, так и других районов, где курды не проживают (в Шовгеновском районе пять школ со средним баллом до 29 по математике). Таким образом, абстрагируясь о правомерности этнической дифференциации по образованию, можно отметить бессмысленность стигматизации курдов со стороны адыгейских ученых по такому вопросу, как образование.

Однако дошло до того, что авторы монографии именно курдов, составляющих 1% населения республики, обвиняют в резком снижении интеллектуального уровня всего полиэтнического сообщества Адыгеи и резком ослаблении творческого потенциала и конкурентоспособности подрастающего поколения [Соколова, Шадже, Жаде 2015, с. 122], благодаря чему, по их мнению, происходит отток из Красногвардейского района русских и адыгов, озабоченных «уровнем образования их собственных детей», большинство из которых «уезжают за пределы Адыгеи, что в целом еще более снижает интеллектуальный потенциал республики» [Соколова, Шадже, Жаде 2015, с. 122–123]. Таким образом, расселение в Красногвардейском районе нескольких тысяч курдов не просто снизило интеллектуальный уровень и творческий потенциал Адыгеи, но и имеет долговременный негативный мультипликативный эффект. Однако авторы не указывают, сколько рус-

ских и адыгов уехало из Красногвардейского района. На первый взгляд трудно определить этот показатель, поскольку, как уже отмечалось ранее, численность населения Красногвардейского района с 2002 г. практически не менялась, находясь в диапазоне от 30,9 до 31,5 тыс. чел. Если естественный прирост курдов соседствует с депопуляцией старожильческого населения, то вместе с оттоком население района оно должно было сократиться значительно больше. Кроме того, авторы не показывают, уезжают ли русские и/или адыги из других районов республики, где не проживают курды.

А.Н Соколова и А.Н Шаповаленко приводят данные отчета психолого-медико-педагогической комиссии за 2011/2012 учебный год, отмечая, что доля школьников Красногвардейского района с задержкой психического развития (ЗПР) составила около 15% от общей численности школьников Республики Адыгея с ЗПР, безапелляционно подразумевая далее, что все дети Красногвардейского района с ЗПР – курды [Соколова, Шадже, Жаде 2015, с. 123–124]. Однако даже если принять, что, действительно, все дети с ЗПР, выявленные в ходе обследования в Красногвардейском районе, курды, то эта ситуация не уникальна. В других районах республики, где курды не проживают, исходя из данных тех же А.Н. Соколовой и А.Н. Шаповаленко, наблюдаются сходные показатели: в Майкопском районе – 19%, Гиагинском районе – 13%. И если в Красногвардейском районе доля умственно отсталых и доля с ЗПР составила 10 и 29% соответственно (даже если принять, что все они курды), то в Майкопском районе – 17 и 30%, Гиагинском районе – 19 и 40%, в Шовгеновском районе – 36 и 7%, Теучежском районе – по 22%.

Поэтому дальнейшее утверждение авторов, что «главной причиной большого числа детей курдской национальности с ЗПР специалисты (какие специалисты? – Н.М.) называют родственные браки» [Соколова, Шадже, Жаде 2015, с. 124], требует выяснения причин сходных или даже более высоких показателей умственной отсталости и ЗПР, исходя из ими же приведенных данных, в других районах, где курды не проживают.

Необходимо отметить, что в рецензируемой работе «курдская проблема» представлена в более широком спектре, чем рассмотренные мною положения, я лишь ограничился основными. Помимо всего прочего, курдским детям даже вменяются широко распространенные проблемы, в том числе среди взрослых, далеко за пределами Красногвардейского района: так, авторы приводят слова учителей начальных классов с. Преображенского о том, что из 23 первоклассников перед едой моют руки только двое [Соколова, Шадже, Жаде 2015, с. 127]. Рамки рецензии не позволяют также отметить многочисленные примеры некорректных заимствований, выдуманных ссылок¹⁵ и нелепых рассуждений, обусловленных в том числе отсутствием у авторов знаний о курдских исторических реалиях.

Итак, учитывая отмеченные недостатки (некоторые из них неустранимы), а также концептуальный посыл монографии, если ее рассматривать как цельную работу, очевидно, она не может быть рекомендована в качестве академического произведения. Вместо адекватного анализа практик, к которым прибегают курды, авторы за некоторым исключением в основном сбились лишь на изображение их

¹⁵ Например, авторы отмечают, что «этнокультурные ценности курдов Адыгеи» якобы исследованы в работе известного советского психолога С.Л. Рубинштейна «Основы общей психологии» [Соколова, Шадже, Жаде 2015, с. 142].

«отсталости» и перечисление напрямую или косвенно негативных характеристик, в том числе постулируемого тезиса об их многочисленности и мифически угрожающем приросте. Тон и характер некоторых размышлений, а также сам контекст объективизации курдов создают ощущение, что авторы рассматривают судьбу неполноценного народа. Тем не менее, если пренебречь обилием лишней информации, зачастую относящейся к курдам весьма опосредованно, и выделить конкретное фактологическое содержание, то становится очевидным, что курды вполне адаптированы и не требуют никаких мер в отношении себя.

Литература

- Алиева А.В. (2004) Дагестанские переселенцы на Ставрополье во второй половине XX века. Автореф. Дисс. канд. ист. наук. Ставрополь.
- Аристова Т.Ф. (1966) Курды Закавказья (историко-этнографический очерк). М.: Наука.
- Дериглазова Л.В. (2017) Возможно ли отказаться от «дискурса интеграции мигрантов как консервативного анахронизма эпохи транснационализма» // Сибирские исторические исследования. № 2. С. 184–202.
- Дятлов В.И. (2005) Миграции, мигранты, «новые диаспоры»: фактор стабильности и конфликта в регионе // Дятлов В.И., Панарин С.А., Рожанский М.Я. (ред.) Байкальская Сибирь: из чего складывается стабильность. М.-Иркутск: Наталис. С. 95–137.
- Лазарев М.С. (1967) Рецензия на: Аристова Т.Ф. «Курды Закавказья (историко-этнографический очерк)» // Советская этнография. № 2. С. 183–185.
- Ментешашвили А.М. (1984) Курды. Очерки общественно-экономических отношений, культуры и быта. М.: Наука.
- Мукомель В.И. (2016) Адаптация и интеграция мигрантов: методологические подходы к оценке результативности и роль принимающего общества // Горшков М.К. (ред.) Россия реформирующаяся: Ежегодник. Вып. 14. М.: Новый хронограф. С. 411–467.
- Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации (2010) // Федеральная служба государственной статистики // http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (том 4, таблица 4).
- Радаев В. (2000) Есть ли шанс создать российскую национальную теорию в социальных науках? // Pro et Contra. Т. 5. № 3. С. 202–214.
- Рязанцев С.М. (2000) Этническое предпринимательство как форма адаптации мигрантов // Общественные науки и современность. № 5. С. 73–86.
- Соколова А.Н., Шадже А.Ю., Жаде З.А. (ред.) (2015) Курды Адыгеи: монография. Майкоп: Качество.
- Справка «О состоянии миграционных процессов в Республике Адыгея» (2009) // http://www.elot.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1300
- Статистика основных результатов Единого государственного экзамена в Республике Адыгея в 2015 году (2015) // Министерство образования и науки Республики Адыгея // <http://www.gas01.minobr.ru/index.php?razdel=2&podrazdel=6>
- Численность населения Республики Адыгея (2010) // Федеральная служба государственной статистики // http://www.adg.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/adg/resources/e6ab00804ccc9a92b5d4f71cb077b59e/%D0%A7%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C+%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F+%D0%A0%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B5+%D0%90%D0%B4%D1%8B%D0%B3%D0%B5%D1%8F.pdf
- Шамилов А. (1966) Рецензия на: Аристова Т.Ф. «Курды Закавказья» // Историко-филологический журнал (Ереван). № 4. С. 281–283.

The Kurdish Issue in Adygea

Book Review: Sokolova A.N., Shadzh A.Yu., Zhade Z.A. (eds.) (2015) Kurdy Adygee: monografiya [Kurds of Adygea: Monograph], Maykop: Kachestvo.

N. MOSSAKI*

***Nodar Mossaki** – PhD in History, Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. Address: 12, Rozhdestvenka St., Moscow, 107031, Russian Federation. E-mail: nodarmossaki@gmail.com

Citation: Mossaki N. (2018) The Kurdish Issue in Adygea. *Mir Rossii*, vol. 27, no 2, pp. 189–202 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-2-189-202

Abstract

Kurds came to inhabit the territories of the Russian Federation (Former RSFSR) only in the last two or three decades and in this regard any study pertaining to the subject is welcome. This review discusses the latest monograph entitled “Kurds of Adygea” produced by a number of prominent scholars of Adygean State University. In particular, the review contests the monograph’s main and highly consequential conclusion, according to which Kurds, given their large and growing numbers, present a potential threat to the ethno-demographic and socio-political situation in the Republic of Adygea. However, while no academic work can be entirely criticism-proof, the monograph in question can hardly be praised for its academic rigor. The reviewer argues that the central research question is in fact devoid of a scholarly approach and the monograph’s arguments are based upon highly questionable and speculative assertions.

Key words: Kurds, Adygean Kurds, migrants, adaptation, integration, interethnic conflict, incorrect borrowings

References

- Alieva A.V. (2004) *Dagestanskije pereselentsy na Stavropol’e vo vtojoj polovine XX veka* [Dagestani Settlers in Stavropol Region in the Second Half of the XXth Century]. Author’s abstract of Diss. of the Candidate of Sciences in History, Stavropol’.
- Aristova T.F. (1966) *Kurdy Zakavkaz’ya (istoriko-etnograficheskij ocherk)* [Kurds of Transcaucasia (A Historical and Ethnographic Essay)], Moscow: Nauka.
- Chislennost’ naseleniya Respubliki Adygeya (2010) [Population of the Republic of Adygea]. *Federal State Statistics Service of the Russian Federation*. Available at: http://www.adg.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/adg/resources/e6a600804ccc9a92b5d4f71cb077b59e/%D0%A7%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C+%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F+%D0%A0%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B5+%D0%90%D0%B4%D1%8B%D0%B3%D0%B5%D1%8F.pdf, accessed 28 February 2018.

- Deriglazova L.V. (2017) Vozmoshno li otkazat'sya ot "diskursa integratsii migrantov kak konservativnogo anahronizma epokhi transatsionalizma" [Can 'the Discourse Around the Integration of Migrants as a Conservative Anachronism of the Era of Transnationalism' Be Neglected?]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, no 2, pp. 184–202.
- Dyatlov V.I. (2005) Migratsii, migranty, "novye diaspori": faktor stabil'nosti i konflikta v regione [Migrations, Migrants and "New Diasporas": the Factor of Stability and the Conflict in the Region]. *Bajkal'skaya Sibir': iz chego skladyvaetsya stabil'nost'* [The Baikal Siberia: What Makes Stability] (eds. Dyatlov V.I., Panarin S.A., Rozhanskij M.Ya.), Moscow-Irkutsk: Natalis, pp. 95–137.
- Lazarev M.S. (1967) Retsenziya na knigu: Aristova T.F. «Kurdy Zakavkaz'ya (istoriko-etnograficheskij ocherk)» [Book Review: Aristova T.F. "The Kurds of the Caucasus (Historical and Ethnographic Essay)"]. *Sovetskaya etnografiya*, no 2, pp. 183–185.
- Menteshashvili A.M. (1984) *Kurdy. Ocherki obshchestvenno-ekonomicheskikh otnoshenij, kul'tury i byta Kurds* [Essays on Socio-Economic Relations, Culture and the Mode of Life], Moscow: Nauka.
- Mukomel' V.I. (2016) Adaptatsiya i integratsiya migrantov: metodologicheskie podkhody k otsenke rezul'tativnosti i rol' prinimayushchego obshchestva [The Adaptation and Integration of Migrants: Methodological Approaches to Performance Evaluation and the Role of the Host Society]. *Rossiyskaya reformiruyushchayasya: Ezhegodnik* [Reforming Russia: a Yearbook], Issue 14 (ed. Gorshkov M.K.), Moscow: Novyj khronograf, pp. 411–467.
- Naselenie po natsional'nosti i vladeniyu russkim yazykom po sub'ektam Rossijskoj Federatsii (2010) [Population by Nationality and the Knowledge of the Russian Language in the Regions of the Russian Federation]. *Federal State Statistics Service of the Russian Federation*. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm, accessed 28 February 2018 (vol. 4, table 4).
- Radaev V. (2000) Est' li shans sozdat' rossijskuyu natsional'nuyu teoriyu v sotsial'nykh naukakh? [Is There a Case for the Russian National Theory in Social Sciences?]. *Pro et Contra*, vol. 5, no 1, pp. 202–214.
- Ryazantsev S.M. (2000) Etnicheskoe predprinimatel'stvo kak forma adaptatsii migrantov [Ethnic Entrepreneurship as a Form of Adaptation of Migrants]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 5, pp. 73–86.
- Sokolova A.N., Shadzh A.Yu., Zhade Z.A. (eds.) (2015) *Kurds of Adygea*: Monograph, Majkop: Kachestvo.
- Spravka «O sostoyanii migratsionnykh protsessov v Respublike Adygeya»* (2009) [Information on the State of Migration Processes in the Republic of Adygea]. Available at: http://www.elot.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1300, accessed 28 February 2018.
- Statistika osnovnykh rezul'tatov Edinogo gosudarstvennogo ekzamina v Respublike Adygeya v 2015 godu (2015) [The Unified State Examination Statistics in the Republic of Adygea in 2015]. *The Ministry of Education and Science of the Republic of Adygea*. Available at: <http://www.gas01.minobr.ru/index.php?razdel=2&podrazdel=6>, accessed 28 February 2018.
- Shamilov A. (1966) Retsenziya na knigu: Aristova T.F. «Kurdy Zakavkaz'ya (istoriko-etnograficheskij ocherk)» [Book Review: Aristova T.F. "The Kurds of the Caucasus (Historical and Ethnographic Essay)"]. *Istoriko-filologicheskij zhurnal* (Yerevan), no 4, pp. 281–283.